

Оксана Пушкина считает, что семья должна состоять из мужчины и женщины, что феминистками становятся от комплексов и что у экранного телезрителя надо плакать. Оксана стала автором, режиссером и ведущей проекта телекомпании ВИД «Женские истории». Несколько недель назад он стартовал на первом канале, и зрители стали свидетелями неожиданной откровенности самой звездной семьи, вернее ее женской половины — Аллы Пугачевой и Кристины Орбакайте. Посмотрев программу, Оксана позвонила ее следующая героиня — Лайма Вайкуле, история которой к тому времени была уже записана. «Знаешь», — сказала Лайма, — я была с тобой недостаточно откровенна».

— Оксана, а с чего бы ты начала свою собственную историю?

— Я была телевизионным ребенком — мама работала корреспондентом программы «Время». Где-то со второго курса (я училась в Ленинградском университете на факультете журналистики, радио и телевидения) начала сотрудничать с московским ТВ. У меня был трудный характер, и мама все время боялась, что я зарулю в какую-нибудь нехорошую компанию. В программе «Время» у нее была масса подруг, которые просто не сходили с экрана. Вот она и решила туда меня «отдать», чтобы эти ее подруги за мной присматривали.

— Для тебя это было отбыванием наказания?

— Конечно, мне было гораздо интереснее гулять с мальчиками и ходить по

Оксана Пушкина:

Я научилась в жизни проигрывать

дискотекам, чем сидеть с Нелей Шаховой. Но в то же время я себе не представляла другой жизни.

— После университета тебе сам бог велел оказаться в элитном подразделении программы «Время»...

— За год до диплома я принесла в университет бумагу о том, что у меня распределение в программу «Время» редактором. А потом увидела по телевизору работу Динары Асановой и Владислава Коновалова «Дети раздоров» и буквально на десятой минуте «запала». Первая серия закончилась тем, что Асанова и Коновалов предложили написать в программу тем, кто также пережил родительские раздоры. Я никогда не писала на телевидение и знала к тому же, что никто этих писем не читает. И вдруг написала буквально три строчки: «Здравствуйте. У меня есть горький опыт родительского раздора и я могу с вами им поделиться». Студентка ЛГУ Оксана Пушкина». Через месяц мне позвонил Коновалов и пригласил на студию.

— На студию ты пришла как «дитя раздора» или как журналист?

— Я просто пришла посмотреть на этого человека. (Забегая вперед, скажу, что впоследствии он стал моим мужем). В моих глазах он был воплощением заботы о людях, он занимался всеми стариками, всеми брошенными детьми.

Поэтому я обратилась к нему с просьбой. У вас, говорю, нет случайно знакомого гинеколога, а то у меня проблемы. Это была такая непосредственность, граничащая с бесцеремонностью. А кому мне было сказать? Мама с папой решили свои проблемы, подруг у меня не было. У нас с ним двадцать лет разницы, это был просто мой родитель. Он тут же позвонил врачу... Мы долго говорили, и в итоге Коновалов сказал мне: «Ты знаешь, я тебе рассказал то, что никому в своей жизни не рассказывал. У меня сложилось такое впечатление, что ты — это я, только в женском обличье и на двадцать лет моложе. Давай поработаем вместе».

— Как к этому отнеслась ленинградская студия?

— С самого моего первого визита все, кто там работал, встали на дыбы против меня. Я была в короткой юбке, с жуткой «химией», с пачкой «Мальборо» и в красных колготках. Но эта неприязнь была только одной проблемой. Второй проблемой было то, что моя мама (а это партийный человек, говоривший лозунгами) вбила в меня мысль, что я бездарь. И от этого комплекса я не могла избавиться. А Коновалов мне говорит, что через два дня у него эфир и что программа будет с парнем, который освобождается из тюрьмы и который в тюрь-

ме переродился. Я, говорит, все о нем знаю, а ты — ничего. Мне нужно, чтобы ты с ним села перед камерой и поговорила. На следующий день я должна была написать 50 вопросов к этой программе. Я ночь не спала. Я не то, что не могла их формулировать, я вообще ничего, как мне казалось, не могла. И когда я принесла Коновалову эти вопросы, он прочитал их и сказал: «Очень хорошо. Вот так и работай».

— Я знаю, что вопросом одной из твоих ближайших программ будет неравный брак. Ответ на него уже готов?

— Я никому не посоветую жениться с такой разницей в возрасте, это очень сложно. Мы вместе уже четырнадцать лет и у нас прекрасный брак, но мы все-таки исключение. Нас спасло только то, что мы занимались одним делом, и то, что мой муж не знает, что такое ревность.

— У тебя были все шансы навеки остаться лишь женой известного журналиста...

— Сначала я боролась с одним комплексом — что я мамина дочь (у нас одна фамилия), а потом с другим — что я чья-то жена. Нет, я не осуждаю женщин, которые делают карьеру всеми своими прелестями, это нормально, в Америке, где я жила, одно без другого просто не бывает. Но я только один раз переспала с человеком, который дал мне работу, и этот человек впоследствии стал моим мужем.

— Когда у тебя появилась идея сделать программу о знаменитых женщинах?

— После того, как четыре года я прожила в Америке, я вернулась с идеей оздоровить нацию, сделать программу о здоровом образе жизни. Куда, на какой канал податься, я не знала. Под каким-то безумным предлогом я позвонила в ВИД и попросила секретаршу соединить меня с Сашей Любимовым. Он, как ни странно, вспомнил меня и пригласил прийти. Но идея ВИДу не подошла. Любимов сказал, что страна к оз-

доровлению не готова, так что давай сделаем такую передачу, которая помогла бы людям жить. Я писала заявку за заявкой. И в конце концов появилась идея женского проекта. (Сначала это называлось «Женский взгляд на жизнь»). Я сделала программу с Лаймой, и Сергей Кушнерев, главный редактор ВИДа, сказал: «Давай назовем это по-другому — «Женское счастье» например, и отснимем еще пару женщин, которые также рассуждали бы перед камерой».

— И ты отсняла Пугачеву и Орбакайте...

— Передачу с Аллой хотели все — Разбаш, Любимов, Кушнерев, Эрнст. Но я Аллу не знала, я знала Кристину. И Кристину по-дружески протянула мне руку. Это была такая женская солидарность. Потому что дружить — это одно, а вот согласиться на такой разговор — другое. Надо сказать, Алла не хотела принимать в этом участие. Она сказала, что делает эту работу ради Кристины... Потом, когда были готовы две программы, Эрнсту не понравилось название. Он настоял на том, чтобы это были «Женские истории».

— Говорят, идея подобной программы родилась у Дмитрия Крылова, и он даже начал ее воплощать...

— Я об этом узнала, когда снимала Ирен Федорову. Она мне сказала, что не так давно для своей программы он снимал Крылов, что есть у него такой проект «Милый друг» и что-то там у него не получается. Я на это не обратила внимания, а сейчас поговорившут, что я у Крылова спёрла идею. Но знаешь, у Димы есть замечательная программа «Непутевые заметки», которую я смотрю каждое воскресенье. И нельзя, чтобы глаза были шире, чем рот. У него все заглохло потому, что в нашей стране надо заниматься еще и самопродюсированием, а когда у тебя уже есть одна программа — на проталкивание второй не хватает сил. Что касается самой программы, мне говорили, что это очень хорошие портреты — мужские истории о женщинах. Если бы над нашими двумя идеями поработал толковый продюсер, мы могли бы замечательно сосуществовать в эфире.

— Твоя московская карьера оказалась головокружительной. Но насколько стабильно твое положение на телевидении?

— Я научилась в жизни проигрывать и не очень огорчусь, если все в один момент «накроется медным тазом». Если вдруг почему-либо я окажусь ненужной, мне есть чем заниматься.